

Margarite

Мертвецов я уважаю; даже когда они
еще живы.

Эммануил Рондис

Не так уж это трудно, умирать.

Манфред

Клянусь, это был несчастный случай.

*Популярное высказывание
неизвестного автора*

МУЖЧИНЫ
НЕ ПЛАЧУТ

1

- Папа, не бросай меня одного.
- Ты не один. Смотри, смотри. Видишь, сколько детей во дворе?
- Я хочу домой.
- Домой нельзя.
- Тогда останься тут со мной.
- Не говори глупостей!
- Папа...
- Ох, ну не плачь же, сука.
- А как же мама?
- Я же сказал тебе, не реви! Запомни навсегда: мужчины не плачут.
- Папа...
- Я в воскресенье приду тебя навестить, хорошо?
- Папа...
- Плакса. Ну, поцелуй меня. Давай же, поцелуй меня, паскуда! Что, не хочешь? Тогда в воскресенье не приду. Сам виноват. И слушайся старших, понял? Чтоб мне не жаловались на твое поведение.

Жауме Кабре. Когда наступит тьма

Новые, незнакомые, угрожающие тени; таинственные шорохи и звуки, каких он никогда не слышал по ночам. Кашель незнакомых детей. Широко раскрыв глаза, новичок решил не засыпать, чтобы никакое чудовище, затаившееся во мраке, не застало его врасплох. Пристально глядя во тьму, он завидовал тихому храпу, раздававшемуся неподалеку. И думал, что ночь будет томительно долгой. А главное, зачем же папа... Как же... Пока тени не смешались и он не решился наконец сказать, мама... Мама, что с тобой случилось?

Что за вой! Ужас нового дня застал его врасплох. Он понял, что хоть и боялся, а задремал, так и не сумев защититься от чудовищ. А теперь злобный голос орал ему: «Эй, ты, да, ты, я тебе говорю, ты чего, возомнил себя принцем из третьей палаты? Вставай, пошевеливайся!» Наскоро разгладив простыни, дети молча спешили куда-то с полотенцами и зубными щетками, которых у него не было, и почему же папа не захотел, чтобы я, ведь можно было дома, правда... Да? Эй-ты еще не знал, где туалет. Просто сел на кровать и заплакал. И тут отвратительная рожа орущего надзирателя наклонилась к нему, оказавшись возле самого его носа, и так зверски на него рявкнула, что он в ужасе опрокинулся на постель. Это было жуткое лицо, краснощекое, с выступающими скулами. А от воплей становилось еще страшнее.

Мужчины не плачут

Потом я узнал, что горлодера зовут Энрик, но он всех заставлял его звать Энрикус. Щеки у него были малиновые, голос резкий и противный, а обязанности состояли в том, чтобы будить ребят, следить за тем, чтобы на переменах никто не прыгал через острый частокол и не напоролся на него, как оливки нанизывают на палочки для мартини, — поди, слышали, что это такое, а? Еще он чинил громоздкие стиральные машины и обслуживал котлы отопления. Стриг мальчишек налысо. Лапал нас в душе. И скорее всего, заведовал чем-то еще: мы постоянно видели, как он шастает туда и сюда, следя, чтобы ничего от него не ускользнуло. Были там и поварихи, и крестьянин, копавшийся в огороде на задворках. И монахини, молчаливо пролетавшие мимо по коридорам в головных уборах, похожих на крылья чаек, и учившие нас всякой ненужной ерунде, все, кроме сестры Матильды: она единственная смотрела нам прямо в глаза и иногда трепала по щеке, чтобы ты улыбнулся. И учила неграмотных читать. Над ними начальствовала настоятельница с на редкость злобным взглядом. Томас уверял, что именно такие глаза у дьявола.

— А к тебе почему никогда и никто не приходит?

— Не твое дело. Понял?

И больше у меня никто об этом никогда не спрашивал. Mamочка, папа меня не навещает.

Жауме Кабре. Когда наступит тьма

— Томас.

— Чего тебе.

— Ты в этом уверен?

— В чем?

— В том, что у настоятельницы взгляд точь-в-точь такой же, как у дьявола.

Триста ребят в главном корпусе. Тридцать мальчишек в третьей палате. Трое друзей: Тони, Тон и Томас; он к ним примкнул. И не решался ни у кого спросить, почему именно мой отец никогда меня не навещает? Ведь он же мог бы меня навестить? У кого это можно узнать? И почему нельзя пожаловаться настоятельнице, что Энрикус пристаёт ко мне, когда мы в душе?

— Она тебя прямиком пошлет ко всем чертям.

— Я не хочу, чтобы Энрикус меня лапал.

— Потерпишь.

— Стой, стой, стой! — вдруг завопил Эйты, немного помолчав.

— Чего ты опять завелся...

— Ведь черти в аду, а ад для мертвых. А я еще жив!

— Тогда она прихлопнет тебя, как муху, а потом уже пошлет к чертям.

— Вот так номер.

Папа, сегодня опять воскресенье. Что же это такое? По воскресеньям ты не приходил еще ни разу, папа. Ты никогда не приходил. Сегодня дядя Тона принес мне пакетик леден-

Мужчины не плачут

цов. Я спрячу их под подушку. Я хочу, чтобы их хватило на много лет, на случай если ты так и не вспомнишь, что пора бы прийти меня навестить. Мама...

Энрикус ухватил его за ухо и выволок на середину коридора, ай-ай-ай, ай-ай-ай, как больно, как больно, как больно, как больно. Ухо покраснело, как помидор, и страшная боль не убывала.

— Эй, ты, дубина, сказано тебе: сладости в постели хранить запрещено! Ты что, не в курсе? А?

— Из шкафчика их у меня утащат.

— Ты что, возомнил, что твои товарищи — воры? Стыд какой! Как ты смеешь?

— Просто у меня как-то раз...

— Здесь воровства быть не может, и не рассказывай мне сказки.

— Но ведь...

— Кто, интересно, их у тебя утащит. Назови имена и фамилии.

— Я их не знаю. Я не знаю, кто у меня ворует.

— Клеветник!

— Я же не знаю...

Энрикус снова крутанул его ухо, наклонился к нему поближе и заорал, я же не знаю, я же не знаю — лишь бы напраслину наговорить на других. Давай-ка тащи сюда свои леденцы.

Некоторые ребята смеялись себе под нос, потому что всегда лучше быть на стороне того,

Жауме Кабре. Когда наступит тьма

кто выигрывает, а Энрикус выигрывал всегда. Поэтому они и смеялись. Я тоже иногда так делал.

— Мне их подарил... подарила мама.

— Твоя мать леденцов тебе не приносила, болван, это невозможно!

— Приносила!

— Не приносила! Ее нет в живых!

— Очень даже есть!

— Мертвецы никому леденцов не приносят, дубина, а самоубийцы тем более, уяснил, хлюпик? — И повелительно махнул рукой. — Давай сюда леденцы, живо!

На следующий день мы мылись в душе, так как была суббота, и ухо у меня было все еще распухшее, а Энрикус подгонял ребят свистками, чтобы не задерживались, загонял под душ тех, кто не вымылся как следует, мылил какие-то шеи. Он стал меня ощупывать и сказал, если будешь хорошим мальчиком, я больше никогда не буду драть тебя за уши. И я до конца был хорошим мальчиком, но он не вернул мне мамины леденцы. Однако слово свое он сдержал: с того дня он за уши меня уже не драл, зато награждал подзатыльниками, от которых голова болела страшно; просто раскалывалась. А монахини молча пролетали мимо нас по коридорам, даже сестра Матильда, и никто не слышал, как я плачу оттого, что Энрикус меня лапает и бьет, и что же папа ко мне никогда не приходит. И ни за что на свете мне не хотелось встретиться с дьявольским взглядом настоя-

Мужчины не плачут

тельницы. А мои друзья, с присущим им тактом, как-то раз, когда рядом никого не было, пихнув друг друга локтем в бок, решили, что пусть лучше Томас задаст мне те вопросы, которых я так страшился.

— Как твоя мать покончила с собой? Э? А когда? Давно? Э? А почему? А ты ее мертвую видел? Она там висела? Или что? Э? И я бросился бежать по еще незнакомому коридору, зажав уши руками, потому что не хотел ничего больше слышать и потому что мне было стыдно перед ними плакать, и так обнаружил котельную, куда, кроме как при авариях, никто никогда не заглядывал, даже крысы. И с тех пор они больше никогда ничего про маму не спрашивали.

Зато я долго не мог понять, почему Энрикус время от времени говорит, по ним тюрьма плачет. Кто-то из ребят постарше, кому было лет десять или даже больше, чуть не лопнул со смеху над моей наивностью и объяснил, что не тюрьме вдруг стало грустно и печально, а это он про нас, Эй-ты, до тебя не доходит? А я сказал, доходит, ладно, да, но сам так и не понял, какое до нас дело этой тюрьме. В тринадцать лет я уже знал, о чем речь, и после не мог не надивиться дальновидности этого громилы, у которого все мы ходили по струночке. А бесшумные монахини и дальше втолковывали бесполезные истины на едва нам понятном кастильском наречии, в классе, где на са-

мом видимом месте висел прибитый к кресту Иисус, а по бокам от него — фотографии напوماженных разбойников в парадных мундирах, с каждой стороны по одному.

2

В первый раз мы вчетвером задумали убить Энрикуса, начитавшись комиксов про Фантома и Капитана Грома, которые ходили по рукам тайком от монахинь. В то время нам уже знакома была дорога на волю сквозь разбитое окно в обнаруженной мной котельной. Как-то раз мы собрались за яблонями в саду, чуть поодаль от колодца, который служил нам ширмой на случай, если кому-нибудь из приюта заблагорассудится посмотреть в нашу сторону. Мы установили за ним слежку: по субботам и воскресеньям под вечер Энрикус отправлялся тратить деньги; на танцах он тоже время от времени бывал, но по возвращении оттуда вид у него был мрачноватый.

— Стало быть, женщины его не любят, — заключил Томас, самый развитой из нас четверых.

— Все ясно, — солидно ответил я. И все остальные тоже кивнули в знак того, что отлично понимали, о чем речь.

— Это должен быть лучший в мире план.

— Точно.

— Только лучший в мире план — дело нешуточное.

Мужчины не плачут

После длительных раздумий мы решили собраться в полночь и отправиться на чердак, где находились комнаты Энрикуса, кухарок и работниц, проживавших в интернате за неизменением собственного угла.

— Распахнем дверь одним ударом, накинемся на него и задушим подушкой.

— И воспользуемся эффектом неожиданности, — уточнил Томас. И все четверо впервые в жизни почувствовали, что мы чего-нибудь да стоим.

— И нужно будет замести следы.

— Я бы нарисовал на стене знак Зорро.

— Эй-ты, молоток: спасибо тебе, здорово ты это придумал. Так все подозрения падут не на нас, а на посторонних.

— Ага, на Зорро, — добавил Тони, на которого моя хитроумная стратегия произвела неизгладимое впечатление.

Так мы разрабатывали лучший в мире план. В мельчайших подробностях. Тони прикарманил три десертных ножа на случай, если жертва окажет сопротивление.

— А если начнет бузить, мы ему эту штукуотрежем.

— Какую штукуотрежем? — полюбопытствовал Эй-ты.

— Паяло, пацан.

— Ага, ясно. — Почтительное молчание. — А что это за паяло?

— Пипиську.

— Ага, ясно.

Жауме Кабре. Когда наступит тьма

В условленную ночь нас застигло непредвиденное событие: мы легли в постель с широко раскрытыми глазами, твердо решив бодрствовать, однако, когда наконец настала полночь, все четверо спали крепким сном. На следующий день мы решили дать себе еще один шанс и посчитали, что самое разумное — это дождаться, пока сестра Эужения выключит свет и выйдет из палаты номер три, и тут же встать с постели и ждать, стоя у кровати. Как крутые парни.

— Эй-ты! Чего стоишь?

— Ничего.

— Она ведь может вернуться... Ты что, хочешь, чтобы нас отчитали, а?

— Шшшш, не кричи. У меня просто ногу свело, и...

— Хочешь, позову монахиню или Энрикуса?

— Не надо. Мне уже лучше. Спи давай!

— Как скажешь.

И мой сосед, что слева, отвернулся, кажется несколько обиженный. В темноте я разглядел три тени, у которых тоже ногу свело, и впервые в жизни почувствовал себя членом команды. Еще до конца этого не понимая, я начинал любить трех своих друзей.

Ужасно трудно стоя не заснуть, когда до смерти хочется спать. Мы тихонько подошли друг к другу задолго до того, как пробил колокол на часовне, и почти без доводов пришли к выводу, что для нашей затеи не имеет смысла

Мужчины не плачут

ждать наступления полуночи. Можно все проверить, например, часов в десять. Нужно только, чтобы враг заснул.

Наша вторая попытка его убить увенчалась успехом. Но при этой, первой, попытке мы были еще слишком зелены, и наша наивность все испортила. Когда пробило десять, мы поднялись по главной лестнице, по стеночке, объятые таким чудовищным испугом, что сердце готово было вырваться у меня из груди. Мы дошли до третьего этажа и в темноте решили большинством голосов, что третья дверь ведет в комнату Энрикуса. Потому что во тьме все выглядит иначе и сразу начинаешь во всем сомневаться.

— Точно?

— Дддда. Или нет?

В это мгновение мы услышали шум и все четверо превратились в рисунок на обоях. Дверь с другой стороны коридора, открывшись, вытошнила пятно света, окрасившее пол, и на него упала тень, когда Энрикус вышел из комнаты, застегивая ремень, оглядываясь и странно высовывая язык. Он сам закрыл дверь, которая тут же погрузилась во мрак, и во тьме стал продвигаться по коридору к третьей комнате, которую мы сторожили. Он тихо, в темноте туда вошел и заперся на ключ. Нас он не заметил, потому что мы все еще были узорами на стенах.

— Поехали: распахиваем дверь и душим его.

Жауме Кабре. Когда наступит тьма

— Не выйдет, он не спит. Придется часок подождать.

— Блин, целый час!

— К тому же он на ключ закрылся.

— Точно?

Тут в непосредственной близости от нас раздался шум, и дверь комнаты Энрикуса открылась; лишь слабый свет отделял его от окружающего сумрака.

— Какого черта...

Я никогда так быстро не спускался в темноте по лестнице, как в ту ночь. Мы добежали до палаты номер три за несколько секунд. Не знаю, по какой причине Энрикус не поднял тревогу и не сообщил о происшествии монахиням, но вниз он спустился и зашел в спальню, не включая света, и долго бродил туда-сюда, поглядывая на спящих мальчишек и пытаюсь решить, спят ли они на самом деле. Кошмар. Но мы остались в живых. Энрикус тоже. И все мы позволили лету прийти.

3

— Тони.

— Чего.

— Почему Томас всегда говорит, что нужно отрезать ему паяло?

— Потому что как-то раз он ему вставил в жопу.

— Ага, ясно.

Содержание

Мужчины не плачут	7
За деньги	51
Польдо	63
Buttubatta	75
Пандора	99
Клавдий	119
Райские кущи	141
Nunc dimittis	165
Серебряная пуля	189
Точка схода	205
Руки Маука	277
Тезей	313
Эбро	327
Эпилог	344